

А. [Автор не установлен.] Мысли по поводу не совсем новой книги [Рец. на: *Суворов Н. С., проф.* К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в Восточной Церкви. М., 1906] // Богословский вестник 1907. Т. 1. № 2. С. 408—428 (2-я пагин.).

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ НЕ СОВСѢМЪ НОВОЙ КНИГИ.

Подъ не совсѣмъ новой книгой разумѣемъ второе изданіе книги Н. С. Суворова, профессора университета (каковмъ титуломъ авторъ впрочемъ себя не называетъ здѣсь): „Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви“. (М. 1906).

При вторичномъ появленіи всякой ученой книги естественно задаешь себѣ вопросъ: чѣмъ вызвано это новое изданіе—тѣмъ ли, что книгѣ посчастливилось и ея прежнее изданіе разошлось или тѣмъ, что авторъ, обогатившись свѣдѣніями, относящимися къ его темѣ, вздумалъ переработать свою книгу. Съ такимъ же вопросомъ мы обратились и къ книгѣ г. Суворова. Но оказывается, что авторъ озаботился вторымъ изданіемъ книги не по одной изъ указанныхъ причинъ, а по особымъ обстоятельствамъ, которыя онъ и излагаетъ въ краткомъ предисловіи ко второму изданію. Что же это за обстоятельства такія? Авторъ пишетъ: „двадцать лѣтъ прошло со времени появленія перваго изданія этой книжки (въ I изданіи, прибавимъ мы, 195 стр., а во II-мъ 193 стр.); но не смотря на то, что поставленные въ ней вопросы повторялись (? Кѣмъ? Гдѣ? Зачѣмъ?) и съ моей точки зрѣнія разъяснялись въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ моихъ работъ, никакого интереса къ нимъ въ духовной литературѣ не обнаружилось. Попытка правда, нѣкоторыя положенія мои опровергнуть покойный А. С. Павловъ (извѣстный знаменитый профессоръ М. университета, пояснимъ мы),—и на мой взглядъ неудачно“. (Разумѣется, мы не считаемъ себя въ правѣ защищать покойнаго профессора; но для насъ не-

ясно, почему г. Суворовъ причисляетъ проф. Павлова къ духовнымъ писателямъ, а себя очевидно выдѣляетъ изъ числа ихъ, хотя оба они принадлежатъ къ университетской профессорской коллегіи и первый изъ нихъ занимается, а второй занималъ одну и ту же университетскую кафедру). „Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ, выясняя первое обстоятельство, заставившее его подарить публику вторымъ изданіемъ своей книги—и въ настоящее время дѣло находится въ томъ же состояніи, въ какомъ оно находилось 20 лѣтъ тому назадъ“. Но, какъ мы увидимъ ниже, это заявленіе г. Суворова невѣрно. Богословская литература проявила серьезный интересъ къ темѣ нашего автора; но онъ этого почему-то совѣмъ не знаетъ. Второе обстоятельство (или вторая причина, по терминологіи автора), побудившее его вторично издать свою книгу, заключается, по разъясненію автора, въ слѣдующемъ: „прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось пересмотрѣть греческіе рукописные кодексы имѣющіеся въ вѣнской и венеціанской библіотекахъ и отчасти пополнить и отчасти исправить извлеченія изъ этихъ кодексовъ“. Но авторъ не утверждаетъ того, что эти пополненія извлеченій изъ кодексовъ восполнили и внесли улучшеніе въ его воззрѣнія на предметъ изученія. Да этого и на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Основное воззрѣніе книги, научные результаты ея, аргументы въ ней и даже порядокъ ихъ остались тѣ же. Умножился лишь нѣсколько матеріалъ для работы. Но этотъ матеріалъ, кажется, могъ бы быть обнаруженъ и инымъ способомъ—наприм. въ специальныхъ изданіяхъ ¹⁾. Третье и послѣднее обстоятельство, побудившее автора предпринять

¹⁾ Впрочемъ въ книгѣ есть нѣкоторая перемѣна въ сравненіи съ первымъ изданіемъ ея. Наприм., опущено поученіе Ефрема Сирина о покаяніи (ср. 62. Изд. 1-е, стр. 76), вѣроятно потому, что, какъ неподлинное, оно напрасно нашло мѣсто въ книгѣ и раньше. Пропущена по какой-то причинѣ статья монаха Марка о покаяніи (стр. 62—79). Опущены греческіе тексты въ примѣчаніи (стр. 91—109). Авторъ не сталъ приписывать одного посланія Іоан. Дамаскину, послѣ того, какъ Holl указалъ на вѣроятную принадлежность его другому лицу (46. 53). Разумѣется, авторъ по мѣстамъ ссылается на свои сочиненія, появившіяся послѣ перваго изданія этой книги. Переводъ изъ Златоуста онъ цитируетъ по новому переводу петербургской академіи (стр. 37—38). Но всѣ эти поправки и авторъ не считаетъ важными, не упоминая о существованіи ихъ въ предисловіи къ книгѣ.

переизданіе книги, можно прямо назвать непонятнымъ и удивительнымъ. Пожаловавшись на то, что „тотъ, кого ближе всего касалась его книжка, т. е. г. Заозерскій, поясняетъ авторъ,—не обмолвился ни однимъ словомъ“¹⁾, потомъ излагаетъ послѣднее обстоятельство, вызвавшее вышеуказанное изданіе. Онъ пишетъ: „за послѣднія двадцать лѣтъ г. Заозерскій успѣлъ попасть въ „авторитеты““ (что это значить—пишущій эти строки уяснить не берется). „Какъ это случилось—продолжаетъ г. Суворовъ,—для меня не совсемъ понятно (авторъ, повидимому, пораженъ неожиданностію), но разъ это случилось, для меня тѣмъ болѣе желательнымъ должно быть полученіе отъ „авторитетнаго“ канониста разъясненіе по вопросамъ, затронутымъ въ этой книгѣ“ (слышится явная иронія въ послѣднемъ замѣчаніи автора, но это для насъ дѣло стороннее). Спрашивается: на чемъ утверждается увѣренность автора, что проф. Заозерскій подыметъ по крайней мѣрѣ теперь брошенную перчатку и вступить въ литературный бой съ университетскимъ профессоромъ? Вѣдь, авторъ можетъ и 20 разъ переиздавать свое произведеніе, а г. Заозерскій при видѣ такого интереснаго явленія можетъ только улыбаться. Вообще мы въ первый разъ узнаемъ, что есть и такой способъ вызвать противника на бой, какъ способъ, придуманный г. Суворовымъ. Да и какой смыслъ вести дальнѣйшую полемику этимъ двумъ писателямъ, когда они стоятъ на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія на предметъ? Дальнѣйшій споръ не могъ бы привести ни къ какому результату, тѣмъ болѣе что г. Суворовъ никогда и ни въ чемъ не имѣетъ обыкновенія уступать своимъ критикамъ. А главное: авторъ, г. Суворовъ, напрасно вызываетъ своего полемиста на дальнѣйшій споръ. Явилась книга, которая очень явно перевѣсила чашку вѣсовъ въ одну сторону, послѣ чего споры по крайней мѣрѣ въ настоящее время вовсе не нужны, но объ этомъ г. Суворовъ ничего не знаетъ и не слыхалъ, и волнуется по на-

1) Нужно знать, что первое изданіе рассматриваемой книги проф. Суворова явилось въ качествѣ отвѣта на критическій разборъ докторской диссертациі его („Объемъ дисциплинарнаго суда“ и т. д.), напечатанный проф. Заозерскимъ въ давно уже несуществующемъ журналѣ: *Православн. Обзорніе* (Обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ такомъ находимъ въ самомъ началѣ рассматриваемой книги г. Суворова).

шему мнѣнію совершенно даромъ. (О книгѣ этой, хотя и краткая рѣчь, будетъ вестись ниже).

Гораздо любопытнѣе, чѣмъ предисловіе къ книгѣ и самая книга (она представляетъ немного измѣненную перепечатку перваго изданія)¹⁾, послѣсловіе къ ней. Интересъ этого послѣсловія заключается въ томъ, что здѣсь авторъ нашель удобный по его мнѣнію случай поговорить нѣчто на современныя намъ церковныя темы. Кому же изъ читателей духовныхъ журналовъ не близки эти темы? Поэтому, считаемъ полезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности по поводу послѣсловія г. Суворова. Это послѣсловіе авторъ начинаетъ такими словами. „Можно было бы закончить мою рѣчь заключительными словами перваго предисловія, которое было предпослано въ первомъ ея изданіи: невѣрное представление исторіи пользы никому и ничему принести не можетъ. Но въ виду *печального времени* (курсивъ нашъ), нами переживаемаго, мнѣ невольно приходитъ на память новелла императора Алексѣя Комнина, изданная, хотя и не при тождественныхъ, но приблизительно сходныхъ обстоятельствахъ. Эта новелла издана въ 1107 г. и помѣщена у Цахаріе (въ *Ius graecoromanum*) подъ заглавіемъ: *de electionibus et clericis*. (А также у Ралли и Потли). Вотъ содержаніе этой новеллы“. Нельзя сказать, что бы новелла эта неизвѣстна была у насъ и ранѣе. Выдержки изъ нея въ русскомъ переводѣ встрѣча-

¹⁾ Къ сожалѣнію, во второмъ изданіи встрѣчаются и ухудшенія по сравненію съ прежнимъ и бросающіяся въ глаза несправности. На стр. 98 перваго изданія авторъ приводитъ одну цитату изъ Іоан. Дамаскина. Эту же цитату, но нѣсколько пространнѣе, повторяетъ онъ и въ новой книгѣ, но предваряетъ приведеніе ея такими словами: „слѣдуетъ длинный пассажъ, въ которомъ“.... (78). Что значить пассажъ—мы не понимаемъ. На стр. 187 перваго изданія находилось длинное и интересное примѣчаніе, изъ котораго было видно, что проф. Павловъ познакомилъ автора съ „весьма рѣдкою“ латинскою брошюрою Гергенрёттера; затѣмъ излагалось содержаніе брошюры. Во 2-же изданіи всѣ эти подробности опущены и оставлено одно голое заглавіе латинской брошюры (159) и читатель недоумѣваетъ: зачѣмъ сдѣлана ссылка на эту брошюру въ ея цѣломъ. На стр. 82 встрѣчается цифра 8, указывающая порядокъ, приводимыхъ авторомъ, документовъ, но эта цифра появилась послѣ сообщенія документа, отмѣченнаго цифрой 5 (а послѣ цифры 8 начинается рядъ не правильныхъ чиселъ). На стр. 159 находимъ ошибочное указаніе на страницу (58) стараго изданія, причемъ на такой же страницѣ новаго изданія вмѣсто ожидаемаго извѣстія о Дамаскинѣ читатель встрѣчаетъ извѣстіе о Ник. Грамматикѣ.

емъ у Е. Е. Голубинскаго, Тяжелова и друг. Но заслуга г. Суворова состоитъ въ томъ, что онъ передаетъ ее по русски болѣе полно, чѣмъ кто либо до него, но къ сожалѣнію все же не сполна.

Теперь спрашивается: что общаго можно находить между изображеніемъ печальнаго состоянія дѣлъ церковныхъ при Алексѣѣ I Комнинѣ и картиною тѣхъ же дѣлъ въ наше время? Авторъ этого не указываетъ. Но очевидно ему напоминаютъ наше время слѣдующія lamentаціи новеллы. „Вотъ теперь христіанство находится въ опасности, такъ какъ церковный порядокъ съ каждымъ днемъ умалается, Богъ прогнѣвается, радуется же вселукавый и ненавистникъ добра діаволь, который всегда старается испортить все доброе. Причина же этого безобразія заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ застарѣлой лѣности и небрежности, издавно уже начавшейся и болѣе и болѣе усиливающейся вплоть до настоящаго момента. На зло стали смотрѣть уже, какъ на какой-то законъ“. „Итакъ намъ, христіанамъ, по благодати Божіей слѣдуетъ сотворить изысканіе добра; препятствій для этого нѣтъ, и разъ ихъ не будетъ, зло будетъ исправлено. Лучше было бы намъ съ жерновомъ на шеѣ быть брошенными въ море; къ намъ какъ разъ подходили бы слова: лучше бы намъ не родиться. И будетъ это достойно плача, и плача не ручьями слезъ, а потоками крови (?). Положеніе наше—положеніе людей, находящихся въ утлыхъ ладьяхъ среди бушующаго моря, безъ руля и надежды“... „Ибо мы, будучи поврежденными людьми, занятые каждый день матеріальными дѣлами, стремглавъ несемся внизъ. Ибо чувственное и то, что относится къ нему, смущаетъ помыслы человѣческіе. Вотъ почему прекрасное и божественное дѣло, которое доставляетъ душамъ людей благочестіе отъ Бога, пришло у насъ въ совершенное презрѣніе и съ каждымъ днемъ идетъ на пониженіе, такъ что еще немного—и все погибнетъ и вмѣнится въ ничто“ и т. д. и т. д. Прежде всего возникаетъ вопросъ: почему это императоръ Алексѣй изобразилъ свое время въ такихъ мрачныхъ чертахъ? Что особенно печальнаго случилось въ началѣ XII вѣка въ византійскомъ государствѣ у церкви? По правдѣ сказать: рѣшительно ничего. Византійскіе христіане не блистали добродѣтелями въ XI вѣкѣ, не стали хуже потомъ и въ теченіе XII

вѣка, и въ началѣ этого вѣка были не лучше и не хуже своихъ предковъ и потомковъ. Почему-это возгорѣлась ревность Иліина въ сердцѣ вовсе не особенно благочестиваго императора Алексѣя—понять очень трудно. Историкъ очень хорошо знаетъ, что подобныя ламентации можно часто встрѣчать у моралистовъ: подобными жалобами были переполнены сочиненія Сенеки, онѣ же слышатся у ап. Павла и другихъ апостоловъ, горько жалуется на обміршеніе христіанъ и св. Кипріанъ и св. Григорій Богословъ; черными красками изображаетъ нравы христіанъ Трульскій соборъ. Тоже было и у насъ: раньше бичеваль русскихъ за отступленіе отъ христіанскаго закона Стоглавъ, а теперь, ну хоть о. протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. По нашему мнѣнію, у Алексѣя Комнина въ его новеллѣ нѣтъ ничего оригинальнаго и характеристическаго. Съ другой стороны возникаетъ вопросъ, картина новеллы напоминаетъ ли наше „печальное время“? Откровенно говоря, очень мало.

Проф. Суворовъ, нужно сказать, держится особыхъ возрѣній на значеніе византійской императорской власти въ дѣлахъ церкви, онъ является ревностнымъ защитникомъ идеи византійскаго цезаропапизма; онъ держится взгляда (не слишкомъ впрочемъ оригинальнаго), что нормирующимъ началомъ въ жизни византійской церкви былъ императоръ; но что это такъ быть должно и служило только къ благу церкви. Въ этомъ смыслѣ г. Суворовъ привѣтствуетъ новеллу Алексѣя Комнина, какъ отрадное явленіе въ жизни церкви. Съ чисто-сыновнимъ шѣтѣтомъ онъ пишетъ: „Новелла Алексѣя Ком—на производитъ такое впечатлѣніе, что у ея автора вырвался болѣзненный вопль души, доведенной до сознанія, что *кромя императора* (курсивъ нашъ) не кому поднять упавшую религіозную жизнь“ (стр. 176). Но дѣйствительно ли въ своей новеллѣ императоръ смотритъ на себя какъ на церковнаго владыку и инициатора дѣлъ церковныхъ? Намъ кажется, этого нельзя доказать. Правда, при одномъ случаѣ, императоръ говоритъ: „я не могъ болѣе медлить съ исправленіемъ церковнаго состоянія и тѣхъ, которые будутъ ставить помѣхи его исправленію, я подвергну канонической отвѣтственности“ (стр. 174). Но если не ошибаемся, здѣсь рѣчь идетъ о борьбѣ съ бродячимъ монашествомъ; но съ бродячими монахами у насъ расправляется даже низшая

полиція. Въ другихъ же случаяхъ императоръ говоритъ о себѣ въ такомъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно говорятъ законопослушные сыны церкви. Такъ Алексѣй Комнинъ называетъ себя въ началѣ новеллы „неразумнѣйшимъ изъ всѣхъ“; но развѣ подобнымъ образомъ выражаются когда о себѣ полноправные законодатели? Далѣе, мѣры, какія понадобятся предпринять въ интересахъ церковной дисциплины, онъ хочетъ „обсудить сообща съ патріархомъ“ (174). Алексѣй Комнинъ не даетъ строгихъ предписаній патріарху; а лишь напередъ выражаетъ свое удовольствіе, если патріархъ послѣдуетъ новеллѣ. „Блаженъ ты, святой мой владыко—лишетъ онъ,—но еще болѣе блаженнымъ окажешься, если вмѣстѣ съ другими вещами, которыя ты исправилъ, приведешь къ совершенію и вышеписанное мною“. Онъ обращается съ просьбою о содѣйствіи и къ прочимъ архіереямъ; однакожъ просить содѣйствіе не себѣ, а патріарху. „И вы, боголюбивѣйшіе архіереи, подобнымъ же образомъ будете блаженны, если, какъ слѣдуетъ, окажете содѣйствіе святѣйшему патріарху и архипастырю вашему“. Въ концѣ концовъ онъ даже какъ бы извиняется предъ патріархомъ и архіереями, что онъ принялъ на себя задачу исправленія церковныхъ дѣлъ путемъ царской новеллы. Императоръ говоритъ: „Написанное должно имѣть силу закона общеобязательнаго, *не новое* что-либо вводящаго въ церковныя и священническія дѣла, а лишь возобновляющаго и *подтверждающаго* (курсивы наши) то, что было опредѣлено и канонизовано божественными апостолами и св. отцами, затѣмъ по нерадѣнію было пренебрегаемо.“ (стр. 175). Такимъ образомъ мы видимъ, что новелла не даетъ основанія цезаропапистической теоріи г. Суворова (о ней нѣсколько подробнѣе скажемъ ниже) и что никакъ нельзя утверждать, что новелла эта есть „болѣзненный вопль души Алексѣя Комнина, доведенной до сознанія, что кромѣ императора некому поднять упавшую религіозную жизнь.“ Должно прибавить, что всѣхъ, кто не раздѣляетъ вышеуказанной теоріи, г. Суворовъ безъ всякаго стѣсненія обзываетъ людьми, „освободившими себя отъ двойныхъ „узъ“ *исторіи и здраваго смысла*“ (курсивъ не нашъ).

Воздавъ хвалу императору Алексѣю за его заботливость о церкви, авторъ признаетъ образцовыми и тѣ мѣры, при помощи которыхъ новелла стремится „поднять упавшую

религіозную жизнь византійскаго государства. „Главными средствами для возстановленія христіанскаго строя жизни,— говоритъ г. Суворовъ,—императоръ считаетъ учительство и пастырство, въ томъ числѣ и духовничество, поставленныя подѣ неусыпный контроль епископовъ. Эти же средства съ тѣмъ же значеніемъ, и подѣ тѣмъ же условіемъ, необходимы, по рекомендаціи автора, и въ наше время“ (177). Спрашивается: какія же это средства и дѣйствительно ли они могутъ быть очень полезны и въ наше „печальное“ время, какъ утверждаетъ авторъ? Новелла, разсматриваемая нами, очень настойчиво требуетъ отъ архіереевъ пастырско-учительскаго вліянія на ихъ паствы. Мысли новеллы въ этомъ отношеніи такъ прекрасны и поучительны, что мы охотно выпишемъ ихъ. Новелла гласитъ: „Глава православныхъ есть, конечно, священное собраніе (*ὁ ἱερατικὸς σύλλογος*) ¹⁾ и при хорошемъ его состояніи все тѣло его и всѣ части его споспѣшествуютъ къ достоинству, наоборотъ при болѣзненномъ его состояніи, все тѣло направляется къ совершенному разложенію. Апостолы, не по какой другой причинѣ обходили вселенную, какъ для преподаванія правильной проповѣди всему народу. Поэтому, и архіерей, унаслѣдовавшіе ихъ честь, каждый въ своей эноріи (округѣ) долженъ дѣлать тоже самое. Не къ обидѣ архіерея, а напротивъ, къ величайшей чести его будетъ служить то, если онъ войдетъ въ хижину убогаго и изслѣдуетъ то, что касается его, и возведетъ его къ благочестію. Ибо такой архіерей дѣлается подражателемъ учениковъ Христовыхъ и самого Христа, этимъ въ особенности и выполняетъ онъ обязанности архіерейскаго достоинства. Если вы, архіереи, хорошо вникните въ это, если все это вы сознаете, уяснивъ и то, какому злу способствуетъ архіерей, не преподавшій христіанской проповѣди, состоящей подѣ нимъ, паствѣ, то ни одинъ изъ васъ не будетъ считать для себя тягостію постоянно обходить весь подчиненный ему округъ, учить чистой вѣрѣ въ Бога и благочестивой жизни. Трудъ этотъ будетъ скорѣе считаться

¹⁾ Здѣсь архіереи называются „главою“ православнаго общества. Слова эти, кажется, ясны. А потому едва ли есть основаніе приписывать византійскимъ императорамъ какую-то верховную попечительность о благѣ церковномъ, какъ это дѣлаютъ иные писатели.

за отдыхъ, какъ доставляющій успокоеніе и собственной душѣ и народу. Архіерей, который не захотѣлъ бы потрудиться надъ этимъ дѣломъ, долженъ подумать о томъ, какой предлогъ можно было бы представить для отсрочки и оттягиванія? Можетъ быть въ ожиданіи новаго вочеловѣченія Сына и Слова Божія? (явная иронія—и гдѣ же? въ императорскомъ указѣ — и надъ кѣмъ же?). „Но вѣдь это и на умъ челоуѣку не придетъ, а придетъ несомнѣнно истинный Христосъ и Богъ нашъ воздать каждому по дѣломъ его. (Каждому, а въ томъ числѣ и архіереямъ). Въ настоящемъ дѣлѣ, внушаетъ новелла, не должно быть ни отсрочки, ни оттягиванія“ (175—6). „Ни отсрочки, ни оттягиванія“ не должно быть въ этомъ дѣлѣ, сказали бы и мы примѣнительно къ нашимъ русскимъ архіереямъ; но наши архіереи, къ глубокому сожалѣнію, ничего такого осуществлять не могутъ. Алексѣй Комнинъ говоритъ объ архіереяхъ своего времени, у которыхъ были небольшія епархіи, меньше нашихъ уѣздовъ: они, конечно, могли, если хотѣли, заглядывать и въ хижину бѣдняка. А у насъ нѣтъ даже ни одного такого архіерея, котрый бы побывалъ въ домахъ всѣхъ священниковъ, этихъ ближайшихъ его помощниковъ и сотрудниковъ. По выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго, у насъ архіерей сидитъ за двѣнадцатю стеклами. вмѣсто посѣщенія хижинъ бѣдняковъ, наши архіереи дѣлаютъ такъ называемыя объѣзды епархіи, о характерѣ, значеніи и степени пользы которыхъ всѣ хорошо знаютъ. Нѣтъ, намъ еще далеко до византійскихъ архіереевъ.—На ряду съ архіереями новелла долгъ просвѣщать народъ возлагаетъ и на іереевъ, не исключая сельскихъ. Она внушала: „въ каѳолическихъ церквахъ селеній должны быть поставляемы почтенные іереи, какъ такіе, которые просвѣщали бы народъ и проповѣдывали всѣмъ правильное ученіе“ (175). Несомнѣнно и у насъ объ этомъ заботятся, но изъ этихъ заботъ почему-то ровно ничего не выходитъ. Не думаемъ, чтобы лучше обстояло это дѣло въ византійскомъ государствѣ, гдѣ священники въ научно-богословскомъ отношеніи всѣ были автодидактами. А съ самоучекъ не много-то возьмешь...

Новелла, повидимому, высоко цѣнитъ религіозное знаніе и считаетъ его дѣломъ первостепенной важности. Она съ сокрушеніемъ говоритъ: „у насъ нѣтъ изысканія православнаго

ученія, нѣтъ склонности къ пониманію его, но всѣ мы почти какъ во тьмѣ бродимъ. Надъ всѣми нами одинаково виситъ опасность: надъ архіерейскимъ чиномъ, надъ монашескимъ, надъ мірскимъ, и всѣ мы стремглавъ несемся въ непроглядный хаосъ (?). Моленіе же истиннаго Христа и Бога нашего къ Отцу своему объ апостолахъ и о всѣхъ вѣрующихъ въ Него не дѣйствуетъ ¹⁾; ибо какъ увѣруютъ въ Него чрезъ слово (?) апостоловъ души людей ненаученныя, непосвященныя, тайны благочестія отчуждившіяся? Ибо какъ евангельскій скрытый талантъ, почти также и православный догматъ скрывается теперь, и скрываеваемый не разыскивается, и будучи большимъ всѣхъ другихъ, почти всѣми считается за второстепенный“ (171). Прекрасныя мысли! Можно было бы ожидать, что послѣ этого новелла заговоритъ о школахъ, учителяхъ, книгохранилищахъ, но ничего такого не воспослѣдовало. Императоръ открылъ какой-то, къ удивленію, кратчайшій путь къ достиженію религіознаго знанія, но едва-ли вѣрный. Онъ вопрошаетъ далѣе: „зачѣмъ всѣ мы (?) не примемся за розыски съ величайшею ревностію, изливая слезы отъ скорбнаго сердца и взыскуя Бога, чтобы Онъ снова открылся нашимъ умственнымъ очамъ? И отвѣчаетъ: а стоитъ намъ только захотѣть, *это и будетъ*“ (172). Конечно, какъ извѣстно, молитва на все полезна, но она не можетъ вывести людей изъ того „непрогляднаго хаоса“ невѣжества, о которомъ такъ краснорѣчиво говорилъ самъ императоръ. Вообще по вопросу о религіозномъ знаніи и его усиленіи новелла не можетъ дать намъ никакихъ полезныхъ указаній. Мы далеко опередили византійскую эпоху въ этомъ отношеніи.

Другія средства, которыя рекомендуетъ новелла, въ качествѣ панацеи для излеченія церковныхъ недуговъ, мало серьезны и не возбуждаютъ нашего интереса. Однимъ изъ такихъ средствъ императоръ признаетъ „улучшеніе порядка въ отношеніи къ избраніямъ и рукоположеніямъ на должности не только архіерейскія, но вообще относящіяся къ числу священныхъ“. Новеллистъ, нужно сознаться, поверхностно смотритъ на этотъ вопросъ: онъ воображаетъ, что дѣло это

¹⁾ Здѣсь кажется императоръ излишне замудрствовался и впадаетъ въ ересь несторіанскую...

можно устроить въ „самый краткосрочный“ періодъ времени. Императоръ, повидимому, полагаетъ, что до него и въ голову никому не приходили подобныя заботы! Онъ былъ увѣренъ, что вопросъ объ укомплектованіи рядовъ духовенства сейчасъ же самъ собою рѣшится наилучшимъ образомъ, если „о лицахъ, имѣющихъ быть посвященными, станутъ производить тщательное изслѣдованіе относительно ихъ и жизни и дѣятельности“ (170. 172). Положимъ такъ. Но вѣдь отдѣленіе пшеницы отъ плевелъ возможно только тогда, когда предъ нами находится большое количество лицъ, изъ числа которыхъ можно дѣлать выборъ. Но что дѣлать, если окажется, что жатва велика, а дѣлателей мало? А вѣдь, это, къ сожалѣнію, не есть только предположеніе. Алексѣй Комнинъ увѣренъ, что не трудно привлечь къ іерейству людей „добродѣтельной жизни, и обладающихъ силою учительнаго слова“, если пообѣщать имъ хорошіе „доходы“ и служебныя отличія (повышеніе „въ рангѣ“) (173); но практика совсѣмъ не оправдываетъ подобныхъ мелочныхъ предположеній.

Что касается, наконецъ, византійскаго „духовничества“, то его примѣръ для насъ не подходящъ. Новелла предписываетъ: „они (іереи) должны наблюдать надъ народомъ, чтобы всѣ имѣли своихъ свѣдущихъ духовныхъ отцовъ (т. е. не приходскихъ священниковъ, а специальныхъ духовниковъ) для того, чтобы нѣкоторые изъ принимающихъ помыслы человѣческія (т. е. грѣхи) не оказались вмѣсто пастырей волками“ (173). Въ новеллѣ о духовничествѣ только это и говорится. Самъ г. Суворовъ заявляетъ, что онъ не на сторонѣ этой греческой формы духовничества. Онъ пишетъ: „я вовсе не склоненъ считать древнецерковный порядокъ выбора духовниковъ по ихъ субъективнымъ качествамъ — святости и искусству врачеванія—верхомъ совершенства; напротивъ думаю, что существующій (у насъ) порядокъ, по которому всякій приходскій священникъ есть духовникъ, гораздо правильнѣе и цѣлесообразнѣе древнецерковнаго порядка“ (стр. 168). И такъ г. Суворовъ форму духовничества, указываемую въ новеллѣ, считаетъ отжившею свой вѣкъ; съ своей же стороны мы не видимъ основаній не соглашаться съ авторомъ.

Вообще, какъ открылось, новелла Алексѣя Комнина представляетъ мало поучительнаго для нашего времени; она не даетъ указаній, какъ „поднять религіозную жизнь“ на-

шого времени, этого „печальнаго времени“ по взгляду автора.

Продолжая дѣлиться съ читателями тѣми мыслями, какія навѣяло на него, г. Суворова, изученіе новеллы, онъ повелъ рѣчь о церковныхъ наказаніяхъ. Очень возможно, что упоминаніе имъ предъ этимъ о духовничествѣ навело его на эту трагическую тему. Вотъ что онъ говоритъ: „тридцать лѣтъ тому назадъ, я издалъ книгу „о церковныхъ наказаніяхъ“, въ которой проводилась мысль, что церковная дисциплина должна поддерживаться церковными средствами, а не статьями уложенія о наказаніяхъ. И вотъ теперь въ новомъ уложеніи церковное наказаніе исключено изъ ряда наказаній, предусматриваемыхъ уголовнымъ законодателемъ. Можетъ быть какому нибудь богослову, радѣющему о процвѣтаніи религіозной жизни въ православной церкви, пришла въ голову (вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: „придеть“) счастливая мысль, что теперь-то и насталъ моментъ для научной разработки вопросовъ, относящихся къ церковной дисциплинѣ“? (Мысль автора, сознаемся, для насъ непонятна). „Но, къ сожалѣнію, скорбить авторъ, этого не видно, такъ что, повидимому, случилось (вниманіе, читатель!) нѣчто горшее (!) прежняго: раньше—худо ли, хорошо ли (ужь, разумѣется, не хорошо, по нашему)—уложеніе о наказаніяхъ вѣдалось съ церковнымъ покаяніемъ, а теперь никто уже съ нимъ не вѣдается“ (!). Если читатель понимаетъ, о чемъ сѣтуетъ авторъ, то онъ счастливѣе меня. Прежде онъ сѣтовалъ, видите ли, на то, что „церковная дисциплина поддерживается статьями уложенія о наказаніяхъ“, а теперь недоволенъ тѣмъ, что церковныя наказанія исключены изъ уголовного кодекса. Съ нашей точки зрѣнія было бы лучше всего, если бы на свѣтѣ и вообще не существовало никакихъ наказаній. Свою тираду о наказаніяхъ авторъ заканчиваетъ слѣдующимъ неожиданнымъ упрекомъ по адресу богословской науки: „богословская мысль устремилась по направленію ошибочному, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ. Почему-то вообразили, что все зло въ нашей церковной жизни происходитъ отъ того, что нѣтъ соборовъ, нѣтъ патріарха и т. д.“ (стр. 177). Какимъ это образомъ мысль его отъ церковныхъ наказаній перескочила къ соборамъ и патріарху — уяснить не беремся. Во всякомъ случаѣ намъ не приходилось встрѣ-

чать ни одного, интересующагося нашею церковью, человѣка, который считалъ бы разсужденія о соборѣ, его пользѣ для нашей церкви праздными и излишними. Дѣло другое—вопросъ о патріархѣ. Въ этомъ вопросѣ и его рѣшеніи не всѣ сходятся. Г. Суворовъ не принадлежитъ къ поклонникамъ патріаршаго института. Наприм., нашъ патріархъ Никонъ напоминаетъ ему Михаила Керуларія (см. его „Учебникъ церковнаго права“, стр. 108), а ужъ страшнѣе Керуларія ничего нѣтъ: это—какое то monstruosissimum monstrum, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія папистовъ (напр. Bréhier).

Если съ точки зрѣнія г. Суворова дѣло пустое для нашей богословской науки заниматься такими не нужными вопросами, какъ вопросы о соборахъ, патріархѣ и т. д., то, конечно, можно догадываться, что онъ нашелъ для нея занятіе болѣе полезное, чѣмъ разсужденія о пустякахъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Авторъ говоритъ: „а я думаю, что дѣло не въ соборѣ (почему)? и тѣмъ болѣе не въ патріархѣ (можетъ быть, согласимся и мы), а въ томъ, чтобы научная работа двигалась и разъясняла темные вопросы, прежде, чѣмъ сочинять проекты для непосредственнаго проведенія въ жизнь“. Но позвольте: наука вѣчна и безконечна. Развѣ можно дожидаться такого времени, когда бы „темные вопросы“ разъяснились? Этакъ пришлось бы всѣ реформы откладывать до неизвѣстнаго будущаго. Эта мысль — чистый кладъ для всякой рутины.

Изъ числа „темныхъ вопросовъ“, которые требуютъ разъясненія, авторъ въ интересахъ современности въ особенности ждетъ разъясненія нѣсколькихъ изъ нихъ. Онъ не скрываетъ, почему онъ выдвигаетъ впередъ именно эти вопросы. Видители, онъ самъ занимается ими и желаетъ, чтобы и другіе работали рядомъ съ нимъ. Признаемся, мотивъ не изъ убѣдительныхъ. А главное: мы сейчасъ увидимъ, что авторъ ломится въ открытую дверь. Переходя къ исчисленію вопросовъ, которыми могла бы заняться наша богословская наука съ особою честью для себя, г. Суворовъ научаетъ: „въ частности по отношенію къ вопросу объ исповѣди и духовникахъ на богословской наукѣ лежитъ долгъ историческаго разъясненія его, какъ съ догматической, такъ и съ дисциплинарной стороны“. Но странно: неужели авторъ не знаетъ, что въ русской богословской литературѣ существуетъ пре-

восходное сочиненіе, какъ разъ посвященное „историческому разъясненію вопроса объ исповѣди и духовникахъ“? Я разумѣю извѣстное сочиненіе проф. Моск. академіи С. И. Смирнова: *Духовный отецъ въ древней восточной церкви* (исторія духовничества на Востокѣ). *Изслѣдованіе*. Ч. I. Періодъ вселенскихъ соборовъ. Оказывается, что г. Суворовъ и не почувствовалъ о существованіи на свѣтѣ этой диссертациі. Перелистуйте его книгу: „къ вопросу о тайной исповѣди“ и т. д., и вы не увидите ни малѣйшаго намека на сочиненіе г. Смирнова. Правда эта послѣдняя книга появилась въ 1906 г.; но она составила изъ оттисковъ статей помѣщавшихся въ *Богосл. Вѣст.* за 1904—1906 г. При чемъ большая часть содержанія сочиненія напечатана до наступленія 1906 г. Слѣдовательно у г. Суворова была полная возможность знать объ этомъ цѣнномъ вкладѣ научномъ. И значить, „долгъ“, за который онъ упрекаетъ богословскую науку, ея уплаченъ, о чемъ долженъ былъ бы знать и г. Суворовъ. Очевидно, богословская наука занимается не одними бесполезными съ точки зрѣнія автора вопросами о соборахъ и патріархѣ, а и такими, которые дороги и для него. Тѣмъ печальнѣе для г. Суворова такое невѣдѣніе книги г. Смирнова, что вѣдь послѣдній является сторонникомъ воззрѣнія по вопросу объ исповѣди и духовникахъ, усвоеннаго первымъ. Еслибъ онъ зналъ объ этомъ, ему бы можетъ быть не пришлось и переиздавать своей книги; да и могъ бы онъ болѣе спокойными глазами взирать на своего прежняго оппонента и пожалуй совсѣмъ отказался бы онъ отъ вызова его же на новый бой. Во многомъ ли расходится г. Смирновъ съ своимъ предшественникомъ по работѣ, объ этомъ говорить не станемъ. Несомнѣнно въ толкованіи источниковъ г. Смирновъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ не сходится съ г. Н. Суворовымъ, обладая болѣе широкимъ кругомъ познаній въ сферѣ своей темы.

Такого же рода lapsus допускаетъ г. Суворовъ, когда дѣлаетъ еще другой упрекъ нашей богословской наукѣ за ея непроизводительность и за ея уклоненіе отъ разработки серьезныхъ научныхъ темъ. Разбираемую тираду проф. Суворова закончиваетъ такими словами: „не говорю о разныхъ другихъ вопросахъ, или даже не о вопросахъ, а положеніяхъ,

болѣе или менѣе развитыхъ и доказанныхъ въ моемъ учебникѣ и въ другихъ моихъ работахъ (какихъ именно?), какъ наприм., *о значеніи императорской власти въ православной церкви* (курсивъ мой), положеніяхъ, которыя упорно игнорируются и замалчиваются (?) въ духовной литературѣ“ (177). Авторъ такъ рѣшительно говоритъ, что никто изъ богослововъ не хочетъ работать надъ такою темою, какъ напримѣръ о значеніи императорской власти въ церкви; но еще вопросъ: кто можетъ быть въ большей претензіи—г. ли Суворовъ, упрекающій науку въ замалчиваніи и игнорированіи его „положеній“, или богословская наука, если она докажетъ, что темой этой занимались раньше, чѣмъ онъ принялся за это дѣло, но только объ этомъ по своему обыкновенію, онъ не знаетъ. Былъ писатель—теперь онъ уже покойный,—который разрабатывалъ эту тему въ серіи сочиненій, настойчиво проводилъ тѣ самыя мысли, на которыя г. Суворовъ вразбивку указываетъ въ учебникѣ и нѣкоторыхъ другихъ книжкахъ. Я разумѣю вопросъ объ исключительномъ значеніи императорской власти въ дѣлахъ церкви (цезаропапизмъ). Тему эту настойчиво разрабатывалъ проф. П. А. Лашкаревъ, онъ не мало даже перестрадалъ изъ-за нея, просто явился мученикомъ, потерявъ изъ-за этой задачи права на степень доктора церковнаго права, столь нужную въ положеніи профессора. Желая соблюсти полное безпристрастіе, мы совершенно устранимъ себя отъ изложенія содержанія указанныхъ трудовъ проф. Лашкарева и ихъ оцѣнки и предоставимъ слово оффиціальному рецензенту ихъ проф. Кіевской акад. М. Е. Ковальницкому. Профессоръ этотъ, анализируя и подвергая оцѣнкѣ сочиненіе Лашкарева: „Право церковное въ его основахъ, видахъ“ и пр. (Кіевъ, 1886), говоритъ:

„Основной принципъ, которымъ авторъ руководится въ своемъ изученіи права церковнаго, теорія, которою онъ хочетъ освѣтить область названнаго права, есть преобладающее, опредѣляющее вліяніе государственнаго строя и права на строй и право церковное: раздѣла между политикою и моралью, государствомъ и церковію не должно быть. Таковую идею г. Лашкаревъ выражаетъ печатно не въ первый разъ. Еще въ 1873 г., въ самый разгаръ борьбы прусскаго римско-

католическаго епископата съ государствомъ, авторъ, въ виду этой борьбы, выпустилъ въ свѣтъ читанную имъ актовую рѣчь: „объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству“. Въ этомъ трактатѣ авторъ рѣшительно сталъ на сторону прусскаго правительства противъ епископовъ. Въ 1876 г. авторъ выпустилъ новое сочиненіе: „Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина вел.“, (поясимъ, что это было первое докторское сочиненіе Лашкарева, признанное не удачнымъ), въ которомъ съ той-же точки зрѣнія онъ освѣтилъ и другую сторону предмета. Наконецъ, въ 1886 г. авторъ издалъ свое „Право церковное“ и пр. (Основной принципъ этой книги былъ уже указанъ). Такова трилогія каноническихъ трудовъ проф. Лашкарева, замѣчаетъ рецензентъ. *Non respublica est in ecclesia, sed ecclesia in republica, id est in imperio Romano*—эти слова Оптата Милевитскаго авторъ избралъ эпитафіемъ для трактата (?) въ прежнемъ его видѣ и теперь вмѣстѣ съ трактатомъ внесъ его въ свое *право церковное*. Слова эти дѣйствительно характеризуютъ сущность воззрѣній автора на данный предметъ. Изложу эти воззрѣнія словами самого автора“. (Мы же передадимъ это изложеніе лишь въ возможно краткомъ видѣ). „Римскій народъ наиболѣе морализованный и наиболѣе религіозный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, изъ всѣхъ народовъ древняго міра. Установленіе въ Римѣ власти императорской имѣло своимъ послѣдствіемъ только соединеніе въ лицѣ государей, вмѣстѣ съ другими званіями, и званія понтифекса—максимуса. Христіанство на почвѣ греко-римской встрѣтило наилучшія условія для осуществленія своихъ нравственныхъ идеаловъ. Галилеянинъ побѣдилъ оружіемъ и политикою Константина великаго. Когда самыя событія сказались въ пользу новой религіи, достаточно было инициативы одного государя, чтобы навсегда обратить христіанство въ національную религію Рима. Законамъ Константина и его преемниковъ, примѣнявшихъ къ христіанству начала древнеримскаго религіозно-государственнаго права... христіанская церковь обязана твердою организациею своего собственнаго права. Константинъ рѣшилъ войти по отношенію къ органамъ власти церковной во всѣ тѣ права, какія давали

ему прерогативы власти верховной. Періодъ вселенскихъ соборовъ (на опредѣленія которыхъ перешелъ съ опредѣленій древнеримской понтификальной коллегіи характеръ права божественнаго,—а слѣдовательно—неизмѣнности) и есть періодъ образованія положительнаго религіознаго или собственно—каноническаго права нашей церкви. Церковные соборы, замѣнившіе понтификальныя коллегіи, всегда признавали за императорскою властію право руководить народами въ дѣлахъ религіозныхъ: соборы сами дѣйствовали по указаніямъ и подъ контролемъ власти императорской. И сочувствіе постоянно (видимъ) на сторонѣ императоровъ, въ своей дѣятельности по отношенію къ церкви всегда дававшихъ ей почувствовать свои понтификальныя права. Изъясняя слова Христа: воздадите кесарева кесареви и Божія Богу,—авторъ рассуждаетъ, что *никакого различія въдомствъ духовнаго и гражданскаго* (курсивъ въ оригиналѣ) въ данныхъ словахъ Христа ни (какой?) отецъ, ни учитель восточной церкви не подозрѣвали. Христосъ не выдѣлялъ для церкви какого-либо обособленнаго въдомства въ общемъ порядкѣ жизни гражданской, съ правомъ считать его исключительно своимъ въдомствомъ, останавливая вмѣшательство въ него власти государственной. Автору—замѣчаетъ рецензентъ,—не нравится въ отцахъ церкви различіе особыхъ въдомствъ церковнаго и гражданскаго, потому что онъ самъ объ области и права божественнаго и права человѣческаго объединяетъ, по основному принципу римскому, въ одной и тойже высшей инстанціи, императорѣ, понтифексѣ—максимусѣ“. Рецензентъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ, не благопріятнымъ для автора, рецензируемой имъ книги: „вообще авторъ свою правовую симпатію переноситъ съ епископовъ, представителей церкви, на императоровъ—руководителей народовъ въ дѣлахъ религіозныхъ. Этотъ цезаропапизмъ не есть настоящее каноническое право церкви вселенской. И еслибы кто-либо изъ позднѣйшихъ византійскихъ канонистовъ вздумалъ оправдывать и обосновать болѣе близкое цезарепапистическое вмѣшательство императоровъ (вопреки болѣе раннихъ исповѣдниковъ и страдальцевъ, возстававшихъ противъ самовольнаго вторженія государства въ церковь) въ самыя внутреннія дѣла церкви, то это было бы далеко отъ духа

права церкви дѣйствительно вселенской, а не только византійско-вселенской“ 1).

П. А. Лашкаревъ былъ не какой нибудь маленькій чело-вѣчекъ, онъ до смерти состоялъ профессоромъ церковнаго права въ университетѣ св. Владимира и въ Кіевской духовной академіи. Вопросу о значеніи императорской власти въ церкви онъ посвятилъ столько вниманія, сколько не посвящаль ему никакой другой канонистъ въ Россіи, развиваль этотъ вопросъ совершенно въ томъ же духѣ, въ какомъ много позднѣе сталъ разрабатывать его проф. Суворовъ 2), и вѣрность своимъ идеямъ кіевскій профессоръ запечатлѣлъ ученымъ мученичествомъ. Правъ ли онъ былъ или не правъ—не будемъ разсуждать объ этомъ,—но нельзя не похвалить его стойкости, можетъ быть сократившей его дни 3). Итакъ церковно-правовая теорія г. Суворова, которую онъ выдаетъ за какую то новость, давнымъ давно извѣстна въ нашей богословской наукѣ, отвергнута ею 4) и чуть не предана анае-емъ. Другими словами: если наши богословы не занимаются разсматриваемой теоріей г. Суворова, то потому, что она набила имъ оскомину. Сколько можно догадываться на основаніи книжныхъ каталоговъ, самое раннее произведеніе г. Суворова („о церковныхъ наказаніяхъ“) появилось лишь въ 1876 году, а первый трактатъ проф. П. А. Лашкарева: *объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству*, гдѣ онъ рѣшительно сталъ на сторону теоріи, по-

1) Протоколы Совѣта кіев. дух. акад. за 1895 г., стр. 127—132; 139; 142; 146; 152—3; 158. Протоколы можно находить и въ прилож. къ „Труд. кіев. акад.“ за 1895 годъ). Вообще все дѣло о диссертациі Лашкарева въ протоколахъ занимаетъ много страницъ отъ 117 до 166 и до сихъ поръ остается очень любопытнымъ.

2) Сравнить теорію г. Суворова съ теоріей Лашкарева считаемъ излишнимъ; по нашему, онѣ тождественны. Съ теоріей перваго легко познакомиться и по его учебнику (стр. 83. 159. 462. 471—474).

3) Въ 1895 г. проф. Лашкаревъ переноситъ свое дѣло на судъ св. Синода, но и тамъ, повидимому, оно встрѣчено было сурово. Послѣ этого онъ жилъ не долго.

4) Главные доводы противъ теоріи представлены проф. Ковальницкимъ въ вышеуказ. мѣстѣ. Опроверженіемъ ея служить вся книга проф. Θ. А. Курганова. Отношеніе между церковною и гражд. властію въ византійской имперіи. Каз., 1880.

томъ полюбившейся г. Суворову, напечатанъ былъ въ 1873 г., вѣроятно же всего въ такое время, въ которое московскій профессоръ сидѣлъ еще на ученической скамейкѣ. Г. Н. Суворовъ жалуется, что русская „духовная литература игнорируетъ и замалчиваетъ“ поднятый имъ вопросъ: „о значеніи императорской власти въ православной церкви“, вопросъ, о которомъ онъ, по его собственнымъ словамъ, разбросалъ замѣчанія въ своемъ „учебникѣ и другихъ работахъ“. Но развѣ обязанъ кто собирать крупницы его теоріи, разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ, и изготовлять изъ нихъ трапезу? Пусть онъ напишетъ книгу сейчасъ подъ указаннымъ заглавіемъ, и тогда онъ найдетъ критиковъ, которые воздадутъ ему по заслугамъ!

Изъ изложеннаго на послѣднихъ страницахъ этой статьи открывается, что богословы русскіе ни въ какихъ долгахъ не состоятъ предъ г. Суворовымъ и имѣющіеся въ его рукахъ векселя на нихъ онъ можетъ, безо всякаго ущерба для себя, разорвать.

Вообще нужно сказать, что г. Суворовъ самаго низкаго мнѣнія о русской богословской наукѣ, что онъ выражаетъ благовременно и безвременно. О догматическомъ богословіи у насъ онъ замѣчаетъ: „нельзя не указать съ сожалѣніемъ на неудовлетворительную разработку у насъ догматическаго богословія“ („Учебникъ“, 12). Не лучшаго мнѣнія онъ и о церковной исторіи. „Научное изложеніе церковнаго права было бы значительно облегчено—говорить онъ — если бы у насъ существовала хорошо разработанная церковно-историческая наука“; при чемъ онъ заявляетъ, что „знаніе западной церковной исторіи считается даже и совсѣмъ излишнимъ (?) въ русскихъ духовн. академіяхъ“ (Ibid.). Конечно, онъ недоволенъ и разработкой церковнаго права. „Попытки русскихъ канонистовъ представить систематическое изложеніе не могли еще пока, по его словамъ, стать въ уровень съ научными требованіями“. Не сдѣлано исключеніе и для извѣстнаго проф. А. Ст. Павлова. „Не отличается научными достоинствами и „курсъ церковнаго права“ профессора моск. университета Павлова, начатый печатаніемъ по смерти этого ученаго (теперь уже, пояснимъ, „вполнѣ законченный“). Изданіе не бесполезно въ томъ отношеніи, по суду профессора

же Моск. университета Н. Суворова,—что 1) обнаружило съ совершенною ясностію невозможность составить „курсъ“ при маломъ (?) знакомствѣ съ юридическими понятіями (?) и съ юридическою методологіею и 2) что для людей, не имѣющихъ собственной мысли въ головѣ (въ чей огорождъ здѣсь бросаются камешки—не знаемъ) и привыкшихъ опираться на авторитетъ проф. Павлова, теперь отнята всякая возможность предположительныхъ сужденій, соединенныхъ съ сожалѣніемъ (о чемъ? по связи рѣчи: „о томъ богатствѣ“ и т. д.) о томъ богатствѣ, которое могло содержаться въ лекціяхъ покойнаго профессора“ (Ibid., стр. 11).

Немилосердный критикъ русской богословской науки находитъ, что она даже и не знаетъ, чѣмъ ей нужно заниматься. Онъ обращается къ ней со слѣдующимъ вразумленіемъ. „Церковный историкъ, протестантъ Герцогъ признается, что глубже и глубже проникающая богословская наука опять возвращается ко многимъ вопросамъ схоластики, которые устранены были новѣйшею мудростію (?), какъ бесполезныя subtilities, и припоминаетъ слова Землера: „бѣдные схоластики попали уже въ слишкомъ большое презрѣніе и часто у такихъ людей (вниманіе, читатель!), которые не годились бы и въ переписчики къ нимъ““. Такъ разсуждаетъ о схоластикахъ протестантскій богословъ. Для русскихъ богослововъ эта точка зрѣнія не только прилична (?), но и обязательна. Пока не изучены *средневѣковыя теологи и философы*, русская наука никогда не будетъ чувствовать подъ собою твердой почвы“ („къ вопросу о тайной“... 167). Итакъ, русскіе богословы, помните, что ваше единственное спасеніе заключается въ изученіи схоластической теологіи и философіи! Принимайтесь за дѣло! И это возвѣщается въ то время, когда даже въ римско-католическихъ странахъ пришли къ мысли, что въ наше время со схоластикой далеко не уѣдешь. По извѣстіямъ духовныхъ журналовъ, во Франціи происходитъ любопытное движеніе въ пользу преобразования постановки въ преподаваніи богословія. Тенета схоластики объявлены вредоносными. Архіепископъ Миньо настаиваетъ на томъ, что римско-католическая богословская наука должна быть приведена въ согласіе съ новѣйшею наукой, а чтобы достигнуть этого, богословіе должно имѣть основательное

знакомство съ направленіями (нашего) времени. („Церков. Вѣстн.“, 1902 г., № 36 стр. 1144—5). Вся русская богословская и свѣтская литература твердитъ тоже самое.

Впрочемъ, если проф. Суворовъ такъ неизмѣримо высоко ставитъ средневѣковую схоластику, то почему бы ему самому не посвящать своихъ работъ изученію этой области вѣдѣнія?

А.*
